

В тот вечер, поздно вернувшись с работы, он сидел на кухне коммунальной квартиры и доедал свой обычный ужин, состоявший из сосиски с гречневой кашей, жидкого чая с печеньем и чёрным яблочным повидлом, которое черпал столовой ложкой из литровой банки. Жена, развесив пеленки и накормив ребенка, уже легла спать. Голая лампочка освещала выкрашенные голубой краской стены, газовую плиту, раковину с капающим краном, и отражалась в темноте окна, по стеклу которого сползали капли. За окном стоял унылый, сырой март – не зима и не весна. Застывшим казалось и время – начало восьмидесятых. Настроение было под стать погоде и эпохе. Хотелось поскорее уснуть и забыть об очередном безрадостном дне своей единственной и неповторимой жизни. Увидев вышедшего из комнаты

соседа с початой бутылкой, хотел было допить чай и уйти с кухни, но тот подсел к столу.

Отношения с соседями по коммуналке были напряженно-нейтральными, на грани срыва. Женщины нет-нет, да и перекидывались резкими фразами на темы общего туалета, невымытой ванны, вечно сохнувших на кухне пеленок и занятого телефона, но до больших скандалов дело не доходило. Дом был кирпичной, «сталинской», постройки, с высокими потолками и большими двадцатиметровыми комнатами, и кухня тоже была просторной – метров десять, так что сталкиваться задницами не приходилось. Мужья, как водится, соблюдали нейтралитет и пытались урезонить жен. Дочь соседей, Наташа, девочка лет двенадцати, в квартире была почти незаметна. Сам сосед, Толик, упитанный лысоватый мужичок в очках, работавший в каком-то захудалом строительном тресте, выглядел заурядным представителем уходящего поколения и не вызывал к себе никакого интереса. Характером он, правда, обладал лёгким, выходил на кухню с неизменной полуулыбкой на румянном лице и разговаривал московской скороговоркой, пересыпая речь глуповатыми прибаутками. С его женой Танькой ужиться было сложнее. Женщина вульгарного вида, вечно растрепанная, но при этом ярко покрашенная, в халатах пёстрых расцветок, она обладала порывистым характером и буквально носила сь по квартире. Зато на телефоне зависала надолго, часами болтая с подругами, причём, судя по игривости тона, не только женского пола. В подпитии она находилась не реже своего мужа, и скандалы за их дверью вспыхивали часто. Эта мысль заставила поморщиться, как от боли, напомнив о собственных семейных разборках на почве безденежья, коммунального быта и усталости жены от декретного отпуска. Эти их ссоры, в свою очередь, доставляли немалое развлечение соседке, которую жена пару раз заставляла подслушивающей у двери. Но в целом жить было можно.

Толик был уже слегка под градусом:

– Ну, привет! Тоже один сидишь? Ну, твоя-то дома, а моей Таньки нет. Наверное, опять придет за полночь, пьяная. Ты на неё особо внимания не обращай, если чего ляпнет. Насчет пеленок или ещё чего. Её тоже понять можно – достали вы своими пеленками. То в ванной их квасите, то кухню вот всю позавесили...

– А что делать? Балкона-то у нас нет.

– Да я понимаю! Это так, к слову пришлось. Ну, я малость поддал. Вот, вторую распечатал, но чего-то скучно, в одиночку...

– Да мне завтра рано вставать...

– Да чего тут пить! Помнишь, в «Кавказской пленнице»? Давай стакан. Ну, будь здоров!

– Закусывай. Вот, только печенье осталось, да повидло.

– Мерсю, приму и закусу. Да не суетись ты! Закуска – не главное.

Поговорить хочется, на душе чего-то тошно...

– Бывает...

– Да ты молодой ещё! Не понимаешь, что к чему и почему. Ну, ладно, не в этом дело. Я вижу, ты магнитофон включаешь, музыку слушаешь. Только мне эти ваши барды чего-то не очень, мутные они какие-то. Я-то сам раньше играл, в Москонцерте. Не веришь? Ей-богу! Ударником был, лабали с чуваками. На танцах, по клубам. Ну, это ещё лет пятнадцать назад было, молодой был, холостой. Там, кстати, с Танькой своей познакомился. Не там, конечно, а на юге. Мы тем летом поехали с пацанами в Гагры, башлять на танцах. Ну, и в кабаках тоже играли. Там, правда, в сезон много таких подваливало, не всегда нам халтура обламывалась. Но всё равно, нормальные бабки были. Я когда потом на работу пошёл, за год столько не зашибал. Ну, родителям, са мо собой, помогал, остальное прогуливал. Чего ещё запомнилось, тем летом часто крутили «Бесаме мучо», слышал такую? Душевный медляк, часто его заказывали. Ты вообще, в Гаграх был? Нет? Ну, не в этом дело. Короче, там с ней и познакомились. Постой, чтобы не соврать, третьего августа это было. Шёл по пляжу, вижу: симпатичная брюнеточка, в голубом купальничке. И место рядом свободное – как по заказу...

– А так оно и задумано. Ловля на живца называется.

– А хрен их знает, этих баб! Может, и так. Да какая разница!

– А если б не было места?

– Прошел бы мимо – мало ли их, на пляже. Судьба, говоришь? Может, и судьба. Но она мне сразу понравилась. Она-то, Танька, и сейчас шустрая бабёнка, а тогда была – чисто куколка. Короче, разложил рядышком полотенце, попросил за вещичками присмотреть, пока купался. Ну, разговорились, вечером в кабаке посидели под винцо-шашлычок, как положено, потом по берегу погуляли. Луна, море шумит, музыка где-то играет, цветы какие-то пахнут, смех женский...

– На то он и юг.

– Да, романтика, блин. Дело-то, вроде, обычное, а мне в новинку по молодости лет, первый раз на юге. Короче, стали мы с ней гулять. А тут наши ребята, музыканты из группы, собрались на какую-то экскурсию, чего-то там посмотреть. Нас пять человек было – неплохие пацаны были. А я им говорю: «Да ну его, неохота париться...». А сам с Танькой договорился, что она ко мне придёт. А мы жили на самом берегу. Нет, не в гостинице. Там рядом с домом культуры эстрада была, летняя, а за ней небольшое помещение. Там мы и ночевали. Вроде как артисты, в творческой командировке. Ну вот, ребята уехали, а я жду её – не приходит. Ну, думаю, ладно, и уже махнул рукой. Книжку какую-то

открыл, и уснул незаметно. Просыпаюсь – а она здесь, сидит через койку, на меня смотрит. Сначала даже показалось, что снится. Я сразу к ней, а она – ни в какую. Так ничего мне в тот раз и не обломилось. Зачем тогда приходила? Да разве их поймёшь? Вот же, столько лет прошло, а в память врезалось. Да, правильно, бывает, чего-то важного и не вспомнишь, а ерунда какая-то перед глазами стоит. Ладно, плесни-ка еще малёк...

– Ну, будь!

– Обязательно буду. Ты как к портвейну, ничего? А то некоторые нос воротят. Я-то сам перепробовал разного – и сухие всякие, и коньяки, и вискарь ихний, а всё не то – дорого, а толку мало. А портвешок – самое милое дело – дёшево и сердито. Душевный напиток. Если не перебирать, конечно. Но я свою меру знаю. Хоть и доводит она меня, Танька-то. И сама увлекается...

– Это заметно.

– Ну вот, и ты видишь. Эх, если б знал, как оно повернётся! Соломки бы подстелил. А может, и не поверил бы, если б кто сказал. Надеешься-то на лучшее, думаешь: со мной плохого не будет. Но, видать, не зарекайся. Правда, был мне один сигнал, на свадьбе, когда расписывались. Вышли из ЗАГСа на крылечко, фотографироваться. Все нарядные, с цветами. А тут какой-то мужичок пьяный мимо брёл, остановился и говорит: «Лебеди вы белые, отчего ж вы змеями становитесь?». Оттащили его куда-то, и свадьба дальше пошла, а осадок на душе остался...

– А до свадьбы ничего не замечал?

– Не, не замечал, не давала повода. А может, и скрывала. Бабы – они хитрые. Короче, погуляли мы с ней тогда, в Гаграх, а вскорости она уехала. Но адресами обменялись. Нет, не москвичка, она в Кимрах жила, на Волге. Я уже забывать стал, а тут письмо приходит, с женским почерком – первая написала. Мол, воспоминания у нее остались незабываемые, лирику какую-то наплела. А у меня тогда ничего серьезного с бабами не крутилось, ну и ответил. Хоть смейся, а тоже чего-то в башке осталось, запомнились те Гагры. Да я недавно все эти письма выбросил! Валялись в шкафу. Слушай, зацепило чего-то, блин. Запить бы надо. Давай, еще по глотку. Будь здоров! Ну, ладно. А я возьми, да и напиши ей свой телефон: мол, будешь в Москве, позвони. А она тут же приехала в Москву, вроде как по делам, и позвонила, из автомата. Ну, встретились, в кафешку зашли. Потом проводил её на электричку, а она в гости пригласила. И появился у меня к ней интерес, обратно эти Гагры вспомнились, хрен им в дышло! Ну, ладно, не в этом дело. Короче, стали мы с ней встречаться. С родителями познакомился, всё путем. А у них в Кимрах свой дом был, с огородом, с хозяйством.

Там у нас с ней это самое дело и случилось, в первый раз, когда её родители в гости ушли.

– Ну, может, таки задумано было.

– Да ладно, чего там! Но после этого у нас с ней уже повзрослому пошло. То она ко мне приедет, то я к ней, на выходные. Да это часа три езды, через Дмитров раньше ездили. Вроде и недолго, но все равно надоедать мне стало, вот так мотаться. И она чего-то раздражительная стала...

– Да понятно чего. Бабе-то, ей определяться надо.

– Так-то оно так. Только я тогда ещё определяться не хотел. Как наекнёт она про это дело, сразу перед глазами наша коммуналка, в которой вырос. Как там семейные мучились, ругались, а было, что и дрались. Даже вспоминать тошно, а тогда, по молодости – как будто в тюрьму тянет. А она обижается, злится. Был случай, ещё на первом году, поругались сильно, из-за какой-то ерунды. Ни хрена себе, думаю, а что дальше будет? Но первый раз пропустил, не придал значения. А она за слабость приняла, ещё хуже язык распускать стала. Не помню, с чего там началось, но довела она меня один раз – не выдержал, врезал ей по морде. Я-то мужик спокойный, даже когда выпью, и этих дел не люблю, чтоб рукам волю давать, и всё такое. Но тогда накатило на меня, в глазах помутилось. Самого трясло, помню. Достала, стерва. Ерунду какую-то раскрутила. Ну, бабы это умеют, языком-то, сам знаешь. Думал – всё, концы. После этого полгода не общались, уже забывать стал. Можно сказать, махнул рукой. Да не тут-то было, опять появилась. Позвонила, с понтом, мол, ты тут куртку забыл. Вспомнила, через месяц...

– Видно, поняла: бьёт – значит, любит. А может, и сама любила?

– А хрен их знает! Может, тогда и любила. А может, в Москву хотела выбраться, любимым путём. Они же все в Москву рвутся...

– Как три сестры?

– Не, у неё сестер не было. Брат был, шоферил там, в Кимрах. Короче, поговорили по телефону, как будто ничего не было, и поехал я за этой курткой, чёрт бы ее побрал! И опять началось...

– А что, других баб не было?

– Почему не было? Встречался с разными бабёнками. И в ЗАГС тянули, само собой. Только не было такого интереса, как с Танькой. И не то, чтобы любовь какая-то, а вот тянуло к ней – и всё тут! А как увидел её, прихватило ещё сильнее. Даже одурел малость. Вот говорят, как ни вертись, а от судьбы не уйдёшь. Мол, всё на небе записано. А если бы плюнул тогда на эту куртку и не поехал? Как бы оно сложилось?

– Я думаю, не всё от нас зависит. Не в куртке было дело.

– Может, и так. Короче, обратно начались отношения. И вроде бы оно ничего, только надоели мне эти электрички – сил нет! В Кикиморы эти ихние мотаться. А она всё звонит по телефону, отношения поддерживает, встречи намечает. А потом и говорит, мол, залетела. А я, дурак, дал слабину. Что хочешь говори – пожалел её. Думаю: первый аборт, если что не так, вообще рожать не сможет. Да и родители мои, когда узнали, стали давить: чего мотаться туда-сюда, давай, мол, определяйся, не мальчик уже. Так вот и женился.

– И понял, что такое счастье. Но было уже поздно.

– Точно! Я ж не нагулялся. Такая житуха была! Пацаны из группы тоже говорили, что дурак. А баба – она что чемодан без ручки: и нести неудобно, и бросить жалко. Уже не сорвешься чесать, как раньше, когда вольный казак был. Короче, пришлось тогда с этой музыкой завязать. Теперь, бывает, услышу по радио, что мы тогда лабали, «Бесамемучу» эту самую, даже слеза прошибает. Эх, да чего теперь жалеть! Дело прошлое. Ладно, давай ещё по маленькой. Ну, будь!

– Ну, а что потом?

– Семейные дела навалились, куда от них денешься. Я к тому моменту уже техникум закончил. На стройке полгода покантовался, а потом в этот трест устроился, гори он ясным пламенем!

– А чего такого?

– Да ну его! Устроился-то по блату, свояк там работал. Думал, место тёплое. А оно оказалось – болото. Противно ходить туда, на рожи эти глядеть. Ладно, это другой разговор. И Таньку туда потом пристроил, машинисткой. И в семью её взял. Родители её приняли хорошо, прописали. Танька-то, она баба бойкая, весёлая, сам знаешь, вид умеет показать, особенно за столом. Мы тогда в трехкомнатной квартире жили. Как заходишь, слева отдельная комната была, восемь метров, там старший брат Витька, с женой, Веркой, жили, а прямо – зала проходная, там отец с матерью и младший брат спали, он ещё в школу ходил, а за ней – наша с Танькой. Тесновато, конечно, но первое время, не поверишь, душа в душу жили. Пока Наташка не родилась. А потом пошло-поехало. Ты, я замечаю, тоже со своей базаришь?

– Понимаешь, Толя, как-то нехорошо ругаемся – со злобой. С какой-нибудь мелочи начинается, с детских ползунков, или вещи не туда положишь, слово за слово – и понеслось!

– А ты хотел ласково, с любовью? Молодой ты ещё, не хлебнул семейного счастья. От идеалов не избавился. Не будет уже ничего, что было! Забудь прошлую жизнь, взрослеть пора.

– А что взамен?! Вот эти пеленки? Или твоя жизнь весёлая?

– Не, мою в пример не бери. Жизнь, она у каждого своя...

– И чего ей надо? Как будто повод ищет для ссоры.

– Не в ползунках дело. Это от жизни такой она тебя пилит. Ты-то на работу выходишь, среди людей трёшься, а она целый день дома сидит, с ребёнком. В этой коммуналке, как в клетке. Да ещё каждую копейку считает, с твоей зарплатой инженерской...

– Так у всех жизнь такая! Что, она не понимает?

– Э, да ты баб совсем не знаешь! Ей плевать, что у всех жизнь такая. Ей надо, чтоб у неё была другая. Она же видит, что какая-нибудь фря вся в шелках и в шубах ходит, в богатстве купается. А почему? Мужика нашла, какого надо! Который может обеспечить. Она и думает: а чем я хуже? И при роже, и при коже, и при фигуре. Да и помоложе, чем эта корова расфуфыренная. За что ей такое счастье? Значит, повезло с мужиком. А мне нет, с этим интеллигентом нищим...

– Так это что, для них лотерея, что ли?

– А ты как думал? Ты вот антимонии разводишь, а они гадают на суженого-ряженого – какой попадется. Они-то знают, что все бабы одинаковые, только одной выпадает счастливый билет, а другой нет. И не хочет она ждать, пока ты поднимешься. Годы молодые проходят, а жизни нет. А ты не можешь ей дать того самого простого женского счастья. Хоть объективного, хоть субъективного. Не такой жизни она, видать, ждала, когда за тебя выходила.

– А кого винить – себя, что ли?

– Значит, ты виноват. Ты вот жить умеешь?

– Не знаю, не пробовал...

– Ну вот, хрен те в компот! А другие умеют. И ты хочешь, чтобы она тебя уважала? А за что ей тебя уважать? За внутренний мир твой богатый? А на кой он ей нужен, если она себе кофточку или колготки лишние купить не может?

– И что, счастье в этих тряпках, пропади они пропадом?!

– Если бы в тряпках! Тряпками, милый, не отделаешься. Если всё считать, чего им надо, никаких пальцев не хватит. Сказку о рыбаке и рыбке помнишь? То-то же! А ты ей, небось, про духовность, про литературу да театры рассусоливаешь? Да ей эти твои барды до лампочки!

– Ну, сейчас, конечно, не до того. Но раньше и в театры ходили, и на концерты, и на выставки...

– До свадьбы, что ли? Ну, ты даешь! Они же только вид делают насчет культуры. А может, и сами думают, что так положено, для красоты отношений. Что другие тоже притворяются – ахают, руками разводят. А если уже сошлись, на кой оно нужно?

– А зачем притворяться?

– Да чтобы охмурить друг друга! Кто кого обманет. Мужики девок дураят, а те их, по-своему. Кто кого обдурил, тот и молодец. А девки, хоть и знают про обман, а поддаются – любовь-то зла.

– И правда, она однажды сказала, что все девки дуры, и правильно мужики их обманывают, и сама бы их обманывала...

– Ну вот, ёшкин кот! А ты начитался про тургеневских барышень, смотришь на них через розовые очки. А они, бабы, внутри, если копнуть, знаешь какие? Хуже мужиков!

– Ты-то сам куда смотрел, если такой умный? У тебя же очки не розовые. А с диоптриями. Тебя самого твоя Танька уважает?

– Не, тоже не уважает. А что я могу? Что я имею в этом тресте поганом? Зарплату да премию раз в квартал, если выгорит. Ни блата, ни волосатой лапы. А без этого не пролезешь.

– А у вас чего разладилось? С роднёй жили, помощь была...

– А с роднёй бывает даже хуже. Как соберутся бабы в одной квартире, такого намешают – чёрт не разберёт! А у нас было три хозяйки на кухне, ребёнок маленький. А Наташка наша первый год сильно плакала по ночам, нервы всем мотала. Ну и начались бабские разборки по делу и не по делу. И нас, мужиков, стали втягивать. Теперь-то я понимаю, что Танька моя виновата была. До неё мы тихо жили. Витькина Верка была баба нормальная, не скандальная. Но болела она, туберкулезная была, на учёте состояла. Они в очереди были на квартиру. А Танька, сволочь, позвонила в больницу: «Почему вы отпускаете туберкулезных – они детей заражают». А я, дурак, поддакивал Таньке: мол, правильно, здесь ребёнок. Не понимал, что сам подлецом стал. Как глаза мне застило. Я, правда, с Веркой теперь душа в душу, и она поняла, простила – вроде как ничего не было. А я-то себе простить не могу, до сих пор стыдно. А в тот раз, после Танькиного звонка, Витька приходит – лица на нём нет, спрашивает: «Кто звонил?» Я говорю: «Не знаю». Танька как раз стирала в ванной, кричит: «Я звонила, а что?» Витька ей говорит: «Ну что, по морде тебе дать, что ли?» Но не довёл до греха, плюнул и ушёл. Я тогда, хоть и дурак молодой был, а подумал: «Что-то я не так делаю». Ладно, тут надо принять. Наливай. Ты-то меня уважаешь?

– Конечно, уважаю. Ты мужик нормальный.

– Ну ладно, будь здоров. Ну, а потом с отцом она сцепилась. Может, это бабские разговоры, но тётя Маша всегда говорила: «Если б не Танька твоя, стерва, Степан Михалыч еще бы лет десять прожил». А папаня мой, по правде говоря, тоже психом был. Ну, может, не был, а стал. От жизни такой. Нас трое братьев было, а он работал один, всю семью тянул. Столяром был, краснодеревщиком. Спинки делал для диванов, знаешь, такие, с полочками, с финтифлюшками разными. Красиво получалось. И зарабатывал, вроде, неплохо, а всё равно не хватало, даже на жратву. Сейчас вот могу купить Наташке и яблоч, и апельсинов, а в детстве мать, бывало, придет из магазина, говорит: «Толик, я тебе помидорку красненькую принесла». А я радовался этой

помидорке до усрачки. Теперешние этого не понимают. Да, ясное дело, время было такое. А отец надрывался ради нас. Говорит мне как-то: «Толик, подсоби, возьми доску». А сам тащил их штук шесть. Ну и надорвался, на инвалидность пошёл. Тут у него с Танькой и началось. Был один случай. Купили мы с ней радиолу, «Ригонду», с проигрывателем...

– У нас тоже такая была, я долго отца просил.

– Да, тогда они были в новинку. А нам как раз годовую премию выписали, сто пятьдесят шесть рублей. Таньке, конечно, говорю: сто тридцать. Четвертной зажал, сам понимаешь. Она и говорит: «Давай радиолу купим». Я говорю: «Давай». Ну, купили, все путём, пластинки крутили, когда гости, или праздник какой. А тут прихожу из магазина – опять мои сцепились. Не знаю, с чего началось, но поругались. Слышу, отец её просит по-хорошему: «Сделай радио потише», а она – ни в какую. Я тогда сам беру, и звук поменьше делаю, а она подходит – и на всю катушку! И что ты будешь делать? Драться с ней, что ли? Она же сразу в крик, Наташку хватает, ребенка пугает. Тут уже отец не выдержал, ударил кулаком по столу: «Духу чтоб её здесь не было!» Пришлось разъезжаться. Родители с братьями в двушку переехали, а мы в эту коммуналку. А тут она вообще себе волю дала...

– Ладно, не переживай. Давай, по маленькой.

– Переживай, не переживай, а выхода не вижу. Ты наливай пока.

Ну, будь здоров, не кашляй. Я, бывает, ночью не сплю, лежу и думаю: может, сам виноват? Да нет, вроде не пил, и на сторону не гулял – раньше-то, пока нормально всё было. И характер у меня, сам знаешь, лёгкий, и дочку люблю – чего ей ещё надо?

– И что, вспомнить нечего? Неужели хорошего не было?

– Было, конечно, почему нет? Не хуже, чем у людей. И в кино ходили, пока мать с Наташкой сидела, и в театр какой-то, не помню уже. А с Наташкой, когда подросла, в Сокольники ездили, на карусели там всякие. В зоопарк её водили, и в цирк, само собой. И к родителям Танькиным ездили, в Кимры эти самые. И Наташку на лето туда отвозили, на природу. А там, и правда, места красивые. На Волгу, бывало, выйдем вместе с роднёй её, скатёрочку на травке разложим, выпьем, закусим, всё путём. И здесь по гостям ходили, она это дело любит. А потом заметил, что увлекается она этим делом, меры не знает. Перед людьми неудобно. Стал замечания делать – скандалы пошли. А дальше – больше. Теперь вот с работы приходит весёлая, нашла себе компанию. Да вот был случай, недавно. Пришла ночью, пьяная, и начинает приемник включать, пластинки запускает. Я говорю: «Кончай ты это дело, людей будить», а она – ещё громче. Я подошел, снял эту головку с иглой, так она берёт и пускает без иголки – оно всё скрипит,

пластинку дерёт. Ну и врезал ей по морде, не выдержал. И, ты знаешь, даже не проучить хотел, а так – рука сама сорвалась...

– Не для науки, а для искусства.

– Точно. Украсил ей личность – тень навёл под глазом. А что толку? Упрямая, как чёрт. Видно, уже не переделаешь. Правильно говорила покойная бабка: кто с лысинкой родился, тот с лысинкой и помрёт. Мы-то с ней уже года два не живём как муж с женой. Есть у меня бабы, да и она знает, чего скрывать. Ну, поедешь, переспшишь, а всё не то, понимаешь? Не жизнь это, а блядство, что ни говори.

– А чего не развёлся?

– Да если б не Наташка! Когда бы маленькая была, а так она уже привыкла ко мне, не могу я её оставить. И понимает уже всё. Жалко её, что она эти скандалы видит. А эта дура – какой ей пример подаёт?

– А я её почти и не замечаю в квартире, тихая она у вас...

– А она все выходные у подружки, у них квартира в соседнем доме. А летом в наш лагерь трестовский устраиваю. У нас лагерь нормальный, и питание хорошее. И в Кимры тоже отправляем, к бабке. Там огород свой, ягоды, фрукты-овощи всякие. Тесть умер, они там с братом Танькиным живут. Нормальный мужик, и у меня с ними нормально. А сама Танька туда ездить не любит, чтобы не знали этих дел...

– А они все так, кто вырвался в Москву. Моя тоже раз в год выбирается к матери. Чтобы номер отбить – мол, не забыла...

– Вот и сижу тут один, как сын. Ну, не один, конечно, а с бутылочкой. А тут вот от скуки стал пластинки ставить, дай, думаю, музыку послушаю. А я их много насобирал, увлекался раньше. И опять попалась «Бесамемуча» эта самая. И так она меня зацепила – прямо сердце защемило. Вспомнил, блин, молодость весёлую. И Гагры эти опять перед глазами, чтоб им пусто было! Даже слеза прошибла. Что за жизнь? – думаю. И чего оно так выкручивает? Убей – не пойму!

– Да, блин. И вроде, все лучшего хотят...

– Иной раз думаю: может, подойти, поговорить с ней, с Танькой-то? А гляну на неё – нет, не поможет. Меня наши бабы, на работе, жалеют: не повезло тебе, Толик, с Танькой, гуляющая она. Обидно мне, а сказать нечего. Так оно и есть. И мужики с работы говорят: «Толик, что с твоей Танькой стало? Идёт по улице – шапка набок, шарф торчит...». А что ответить? Что она пьяная каждый день? Сам виноват, что пожалел её тогда, слабину дал. За это и наказал меня Бог. За доброе дело, как люди говорят.

– Не может Бог за добрые дела наказывать...

– Не может? А тебя за что наказал? Нагрешил, что ли? Ладно, чего там, не на паперти. Ты вот думаешь, из этой коммуналки вырвешься, и будет тебе счастье? Хуже не будет? Ну, не знаю, может, и

так. Первый год с дитем самый тяжёлый, вычитай его из жизни. Дальше, оно полегче пойдёт. Может, и сладится. А у меня навряд ли. Я-то на очереди стою, скоро квартиру буду получать, в тресте. А потом что? В новом доме получают все наши трестовские, будут её такую видеть – что скажут? От соседей не скроешь. Как жить, людям в глаза смотреть? Разменяться потом? Можно, конечно. И обратно в коммуналку? Тебе легко рассуждать, а где её взять, вторую молодость? Эх, ёшкин кот! Ладно, хорош гадать, муть разводить. Там ещё осталось чего-нибудь? Нет? Ну, нет – так нет. Кончилось вино, конец и разговору.

– Да, поздновато уже.

– Ну вот, вроде бы поговорили, думал, полегчает, а не вышло.

Светлана Кочергина. На заснеженном побережье.
Холст, масло, 140X120.